
Древне - церковно - славянскій языкъ и его возможное жизненное примѣненіе.

(Окончаніе).

Самопознаніе въ процессѣ собственнаго развитія идетъ двумя различными путями: практическимъ (—самоанализа) и теоретическимъ (—аналогіи).

Первый путь—путь самоуглубленія, непосредственнаго наблюденія надъ самимъ собою, надъ тайными движеніями своего сердца и свойствами обнаруженія мысли,—всего естественнѣе, потому что всего доступнѣе и ближе. Кому, въ самомъ дѣлѣ, какъ не самому наблюдателю яснѣе знать каждое проявленіе своей души, насколько, конечно, оно отражается въ его собственномъ сознаніи.

Но самоанализъ—путь христіанскаго аскетизма—при всей своей очевидной необходимости (ибо „кто знаетъ человѣка, кромѣ духа, живущаго въ немъ“), не есть все же единственный и достаточный путь самопознанія. Онъ не всеобъемлющъ. Наука самопознанія слишкомъ глубоко по своему объему и важна по своимъ конечнымъ результатамъ, чтобы благоразумный человѣкъ могъ удовлетвориться односторонностью данныхъ личнаго наблюденія, которыя часто бываютъ ложно освѣщены подъ вліяніемъ присущей человѣку гордости и стремленія къ самооправданію. Необходимъ добавочный путь аналогіи. Дѣло въ томъ, что человѣкъ до известной степени—есть продуктъ среды, дитя своего народа. „Человѣкъ по природѣ животное общественное“ говоритъ Аристотель ¹⁾, указывая на тотъ безспорный фактъ, что при-

¹⁾ *ἄνθρωπος φύσει πολιτικὸν ζῷον* Ремке I. Очеркъ исторіи философіи. Пер. Н. О. Лосского, 1907, СПб. 62 стр.

рода человѣка — существа разумнаго — нуждается въ обществѣ, какъ необходимомъ средствѣ для „самоосуществленія“. Изолированная личность немыслима: „кто не способенъ жить въ обществѣ или кто не нуждается въ немъ, потому что самоудовлетворенъ, тотъ или Богъ, или скотъ“ ¹⁾. Въ дѣйствительности, фактически, каждая личность и принадлежитъ въ какой нибудь организаціи. И насколько это духовное развитіе личности неуловимо переплетено съ дѣйствительными интересами общества, такъ органически сращено съ уровнемъ и направлениемъ теченія его духовной жизни: вообще, тамъ обусловлено содержаниемъ общественной мысли и внѣшней организаціи собственной среды, что, по словамъ Вл. Соловьева, невозможно даже самое противоположеніе личности и общества. „Если, говорить онъ, вы отнимете у дѣйствительной человѣческой личности все то, что такъ или иначе обусловлено ея связями съ общественными или собирательными цѣлями, вы получите животную особь съ одною лишь чистою возможностью, или пустой формой человѣка, т.-е. нѣчто, въ дѣйствительности вовсе не существующее“. (Оправданіе добра).

Внутренняя жизнь человѣка, т.-е. обнаруженіе, реализація, выявленіе этой „чистой возможности“ его бытія, есть, такимъ образомъ, до извѣстной степени результатъ для насъ незамѣчаемаго, но тѣмъ не менѣе существеннаго общественнаго воздѣйствія. Если это такъ, то несомнѣнно, что въ моемъ личномъ характерѣ, какъ равно и въ характерѣ всякаго человѣка, какъ извѣстнаго индивидуума, могутъ быть отмѣчены такія свойства, которыя должны быть отнесены на счетъ *всего* общества, какъ естественное наслѣдіе вѣкового историческаго самобытнаго процесса развитія его этническихъ задатковъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ географическихъ, политическихъ, религіозныхъ и прочихъ факторовъ; и которыя, отсюда, у меня должны быть *общими* со всѣми тѣми единицами, которыя, подобно мнѣ, составляютъ народъ. Эти то народныя (національныя) черты своего характера, которыя, какъ обязательный результатъ происхожденія отъ извѣстной націи и воспитанія опредѣленной среды, перешли въ мое сознаніе, сдѣлались неотдѣлимую ча-

¹⁾ Аристотель. Макевзи, Этика., 138 стр.

стію моего „я“, могутъ быть узнаны единственно только путемъ аналогіи. То, что обще мнѣ и другимъ членамъ моего народа, въ отличіе отъ особенностей другихъ націй, то и суть черты народности. Слѣд., личность каждой этнической единицы можетъ быть понята только на историческомъ бытовомъ фонѣ ея собственнаго народа.

Итакъ, самопознаніе, для того чтобы быть твердымъ и основательнымъ въ своихъ выводахъ, къ самоанализу, своему первому и ближайшему орудію, необходимо должно присоединить изученіе собственной народности ¹⁾.

Безспорно, самымъ радикальнымъ методомъ изученія русской народности будетъ тотъ, если мы это дѣло возьмемъ въ значительно-расширенномъ масштабѣ, именно, если будемъ разсматривать вопросъ на фонѣ *обще-славянской* самобытности. Всякому понятна польза сравнительныхъ изученій въ области родственныхъ явленій и фактовъ. Естественно, что и въ изученіи исторіи русскаго народа и государства,—исторіи политической, культурной и литературной,—нельзя точно также не искать поучительныхъ точекъ соприкосновенія и аналогіи въ исторіи соплеменныхъ намъ народностей. „Что-бы лучше узнать самихъ себя, глубже понять свое прошедшее и настоящее и извлечь оттуда уроки для будущаго, мы должны, говоритъ Гротъ, подняться на нѣкоторую высоту созерцанія, откуда все виднѣе и яснѣе, а такую болѣе высокую точку зрѣнія намъ можетъ дать лишь славянское самосознаніе, выросшее изъ изученія всего славянскаго міра въ его цѣломъ и въ частяхъ, изъ пониманія его историческаго развитія, его культурныхъ задачъ“ ²⁾.

Изученіе славянства въ его цѣломъ, во всѣхъ проявленіяхъ его народнаго типа и его жизни въ прошедшемъ и настоящемъ,—т.-е. всестороннее изученіе славянъ въ отношеніяхъ лингвистическомъ и этнологическомъ, археологическомъ и историческомъ, историко-литературномъ и фольклористическомъ, религіозномъ и церковно-историческомъ составляетъ область славистики, или славянской филологіи ³⁾.

¹⁾ Ламанскій Вл. И. Изученіе славянства и русск. народн. самосознаніе. Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г. 133 т. 117 стр.

²⁾ Гротъ К. Я. Объ изученіи славянства. СПб. 1901 г. 46. стр.

³⁾ Гротъ, цит. соч. стр. 5; ср. также Лециусъ, О значеніи филологіи. Кіев. Универ. Изв. 1886 г. Авг.; Томсонъ А. И. цит. соч., стр. II.

Но въ области славянской филологіи самое главное мѣсто, среди составляющихъ ее разнообразныхъ дисциплинъ, занимаетъ наука о древне-ц.-славянскомъ языкѣ. Это мѣсто принадлежитъ ей по справедливости, какъ въ виду общаго значенія языка для изученія духовнаго облика извѣстнаго народа, такъ и по своей необходимости для всѣхъ отраслей славянской филологіи ¹⁾.

При постиженіи внутренней основы всѣхъ явленій жизни народа языкъ, безспорно, имѣетъ самое цѣнное и самостоятельное значеніе; имѣетъ прежде всего и главнымъ образомъ въ силу того, что языкъ не есть произведеніе дѣятельности человѣка или народа, но *невольное явленіе* его духа, всей совокупности его духовныхъ силъ. Мало того, будучи органомъ внутренняго бытія, языкъ есть нѣчто большее, чѣмъ простое орудіе. Какъ органъ, языкъ неотдѣлимъ отъ самаго бытія, потому что является необходимымъ условіемъ образованія самой мысли. Умственная дѣятельность, сама по себѣ совершенно духовная и внутренняя, не оставляющая сама по себѣ никакого явнаго слѣда, только посредствомъ слова постепенно сознается человѣкомъ, переходить во внѣшность и дѣлается доступною чувствамъ. Отсюда дѣятельность ума, по естественной необходимости, ищетъ совокупленія съ звукомъ: иначе мышленіе не достигнетъ ясности, представленіе не сдѣлается понятіемъ ²⁾. И вотъ, въ силу такой неразличности и неразлучности другъ отъ друга дѣятельности ума и языка, языкъ, по мысли Гумбольдта, болѣе, чѣмъ всѣ другія явленія, въ какихъ выражается духъ и характеръ народа, способенъ вводить насъ въ самые таинственные пути и изгибы того и другого ³⁾. Слѣд., только посредствомъ языка, этого органа внутренняго бытія человѣка, возможно узнать національный характеръ,—эту основу всѣхъ явленій жизни народа, его дѣяній, учрежденій, мыш-

¹⁾ „Славянская сравнительная грамматика, исторія Славянской литературы и вообще культуры, даже исторія славянскихъ государствъ,—всѣ въ большей или меньшей степени, прямо или косвенно заинтересованы въ своемъ успѣшномъ развитіи отъ прогресса этой науки“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1906, I, 41, стр.

²⁾ Гумбольдтъ В. О различіи организмовъ человѣческаго языка... СПБ. 1859 г. 49 стр.

³⁾ Тамъ же, 38 стр.

ленія, словомъ, всего, что составляетъ силу и достоинство народа и переходитъ въ наслѣдство отъ одного поколѣнія къ другому ¹⁾).

Но ц.-славянскій языкъ, кромѣ такого общаго значенія въ дѣлѣ познанія всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ стремленій славянскаго народа, какъ единственный свидѣтель и наиболѣе яркій представитель (этотъ „славянскій санскритъ“, по выраженію славистовъ, въ его неослабной доселѣ живости, богатствѣ звуковъ и формъ и особенно въ безконечной почти силѣ словопроизводства) обще-славянскаго языка, имѣетъ еще добавочную цѣнность. Эта цѣнность станетъ понятна для насъ, если припомнимъ при какихъ обстоятельствахъ возникъ этотъ не столько литературный, сколько *священный* языкъ всѣхъ почти тогдашнихъ славянскихъ племенъ. Извѣстно, что онъ появился на сцену своего историческаго бытія въ самый существенный моментъ духовной жизни народа: онъ выросъ вмѣстѣ съ проповѣдью христіанства,—этого главнаго и первоначальнаго источника умственнаго развитія славянъ. Доселѣ чуждые участія въ разработкѣ обще-европейской культуры, лишенные богатаго умственнаго наслѣдія греко-римскаго міра, славяне со свѣтомъ христіанства вошли въ новый, совершенно незнакомый имъ міръ понятій, доставлявшій неизсякаемый источникъ духовныхъ наслажденій. Весьма понятно, что пробужденная мысль славянина весьма усиленно заработала въ этой области духовно-религіознаго матеріала. И въ это то время,— время исключительныхъ духовныхъ переживаній и, едва ли повторяющагося дважды въ исторіи, вдохновеннаго подъема духовныхъ силъ народа,— и создался тотъ литературный языкъ славянъ, который мы и собираемся изучать ²⁾. Онъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 4.

²⁾ Не такъ давно шли усиленные разговоры въ обществѣ относительно улучшенія церковно-богослужебнаго языка, который дѣйствительно, послѣ многолѣтняго своего роста, сталъ не вездѣ понятенъ для современнаго слушателя. Среди предлагавшихся разнообразныхъ мѣръ самую радикальную считалась полная замѣна славянскаго текста русскимъ литературнымъ, причѣмъ указывалось на то, что смыслъ текста богослужебныхъ книгъ тогда выигралъ бы, ибо сталъ бы не только яснѣе и доступнѣе, но и ближе къ оригиналу. Но реформаторы одно только упустили изъ вида, что въ подобномъ переводѣ—а это можно сказать заранее—не будетъ того, чѣмъ славянскій богослужебный языкъ, при всей

быль, такимъ образомъ, не только отраженіемъ внутреннихъ силъ и способностей славянскаго народа, какъ бы разнообразны по формѣ и богаты по содержанію онѣ не были, но вмѣстѣ съ тѣмъ и освѣщеніемъ самыхъ отдаленныхъ тайниковъ его духа и характера, насколько, конечно, религиозное движеніе, создавшее его, въ состояніи было глубоко всколыхнуть бездонную мощь такой сокровенной области. Все это заставляетъ обращать исключительное вниманіе на ц.-славянскій языкъ, такъ непосредственно вводящій насъ въ заповѣдную область самопознанія.

Но роль языка сказаннымъ не исчерпывается: помимо самостоятельнаго онъ имѣетъ еще служебное прикладное значеніе. Церковно-славянскій языкъ необходимъ для всѣхъ отраслей славянской филологіи. Въ этомъ отношеніи значеніе ц.-славянскаго языка далеко выступаетъ за узкія рамки сравнительной славянской лингвистики. Такъ, значеніе языка нужно историку политической и вообще культурной жизни славянскихъ народовъ, и прежде всего для критической оцѣнки точнаго пониманія дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ народа, для толкованія смысла неизвѣстныхъ словъ, темныхъ и испорченныхъ мѣстъ источниковъ. Услуги языковѣдѣнія, затѣмъ, окажутся для него незамѣнимыми еще для пополненія историческихъ свѣдѣній, не переданныхъ въ памятникахъ. Именно, географическія названія рѣкъ, озеръ, горъ, мѣстностей, существующія въ славянскомъ языкѣ, свидѣтельствуютъ о топографіи первоначальнаго расселенія славянскихъ племенъ; заимствованныя слова указываютъ на

своей частичной непонятности, такъ глубоко захватываетъ религиозное чувство, создавая молитвенное настроеніе и вызывая слезы восторга и душевнаго трепета даже у простецовъ. Не будетъ въ переводѣ *возможнаго*, религиознаго воодушевленія, того интуитивнаго озаренія, которое руководило Просвѣтителями—переводчиками и проникло даже въ мертвое, повидимому, дѣло рукъ ихъ. Живая религиозная мысль сама выливалась у нихъ въ форму, создававшуюся тутъ же, въ эти моменты непосредственнаго, живого религиознаго переживанія, и срасталась съ немъ. Съ появленіемъ слова пробуждается и заключенное въ немъ религиозное чувство, нѣкогда давшее жизнь ему, и зажигаетъ огонь вѣры у слушателя. Предпринятое же внѣ вліянія религиознаго творчества исправленіе текста будетъ безъ сомнѣнія болѣе правильно (съ формальной точки зрѣнія), точно, ясно, понятно, чѣмъ старинная рѣчь, но зато сухо и безжизненно.

культурное вліяніе на славянъ того или другого народа, ихъ сношенія. Еще болѣе существенное значеніе имѣеть языкознаніе для возстановленія исторіи, главнымъ образомъ исторіи культуры. Раскрывая значеніе словъ, въ которыхъ заключается весь внутренній духовный миръ народа, мы вмѣстѣ съ тѣмъ раскрываемъ и душу народа тѣхъ отдаленныхъ временъ, изъ которыхъ не сохранилось ни историческихъ свѣдѣній, ни другихъ археологическихъ трудовъ. Комбинируя же извѣстнымъ образомъ данныя языка (его лексики) можно постепенно и болѣе или мѣнѣе точно возстановить настоящія условія жизни доисторическихъ славянъ ¹⁾. Можно положительно сказать, что всѣ свѣдѣнія о культурѣ доисторическихъ славянъ — о ихъ вѣрованіяхъ, семейномъ и социальномъ устройствѣ, домашнемъ и хозяйственномъ бытѣ и пр., — черпаемъ почти исключительно изъ данныхъ языка ²⁾. Въ частности, при помощи данныхъ языка можно опредѣлить мѣстонахожденія прародины общеславянскаго народа ³⁾. Славянское языкознаніе, далѣе, необходимо нужно историку славянскихъ литературъ и историку славянскихъ церквей, уже въ виду того, что источники ихъ наукъ изложены на ц.-славянскомъ языкѣ. Наконецъ, безъ знанія послѣдняго не мыслимо обойтись славянскому юристу для вѣрнаго пониманія техническихъ терминовъ славянской юриспруденціи ⁴⁾: этнологу, опредѣляющему родственныя отношенія среди народовъ; археологу, антропологу и пр., которые въ извѣстныхъ отдѣлахъ своей специальности находятся въ зависимости отъ лингвистики. Нѣтъ, слѣд., такой отрасли славянской филологіи, которая не нуждалась бы въ изученіи ц.-славянскаго языка.

¹⁾ См. напр., извѣстн. изслѣд. Вудиловича А. Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Кіевъ 1878 г.

²⁾ Томсонъ А. И. Общее языковѣдѣніе, стр. 390—398.

³⁾ См. А. А. Шахматовъ Arch. fur Slavische Philol., 1911 г., XXXIII, 1—2: Zu den ältesten slavisch keltischen Beziehungen. А. Л. Погодинъ. Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. СПб. 1901 г. 85 стр.

⁴⁾ Прирожденныя качества народовъ особенно ярко выступаютъ въ первоначальной исторіи народовъ, когда они наименѣе подверглись иноземнымъ вліяніямъ. Но чрезвычайная бѣдность письменныхъ памятниковъ о древнѣйшемъ бытѣ славянъ заставляетъ ученыхъ особенно цѣнить данныя языка, весьма существенно восполняющаго указанный пробѣлъ и для славян. права.

Выясненіе, такимъ образомъ, чертъ обще-славянскаго народнаго характера, склада его внутренней духовной организаціи, покоится исключительно только на знаніи ц.-славянскаго языка, взятаго какъ самого по себѣ, такъ и въ практическомъ приложеніи къ цѣлому циклу довольно разнообразныхъ дисциплинъ *славянской* филологіи.

Но это выявленіе (путемъ самоанализа и аналогіи) своихъ собственныхъ силъ и способностей, какъ индивидуальныхъ т.-е. свойствъ, касающихся моего личнаго „я“, такъ и—извѣстной этнической единицы, требуется не только необходимостію моей *личной* жизни, моей нравственно-практической дѣятельности, сознательнаго отношенія къ цѣли жизни,—къ свободному обнаруженію въ себѣ божественной жизни,— оно необходимо также и съ точки зрѣнія *обще-человѣческой* солидарности.—Единство носителя божественной жизни, обнаруживающейся во всемъ мірѣ, требуетъ обязательности внесенія лучшихъ изъ этихъ задатковъ, т.-е. нужныхъ для жизни и способствующихъ ея росту, въ *общую* систему культуры челоуѣческаго духа ¹⁾. Правда, подобный взглядъ на реальное вмѣшательство въ судьбы культуры, самое имя которой въ нашихъ представленіяхъ тѣсно связано съ именемъ Западной Европы, можетъ показаться страннымъ. Страннымъ, конечно, благодаря нашему ослѣпленію, когда мы въ своемъ привычномъ идолопоклонствѣ передъ Европою считаемъ ея культуру единственной и возможной выразительницей челоуѣческихъ идеаловъ, свѣтильникомъ свѣта, а себя—ея объектами, предназначенными лишь пассивно воспринимать этотъ свѣтъ прогресса, но не способными подливать собственнаго масла въ этотъ свѣтильникъ. Конечно, такое отношеніе къ дѣлу имѣетъ извѣстное историческое оправданіе:—Извѣстно, что западно-европейскій міръ въ своемъ умственномъ развитіи далеко ушелъ впередъ отъ насъ. славянъ, въ то время, когда мы, влѣдствіе неблагоприятно сложившихся историческихъ условій, принуждены были, борясь за собственное существованіе, своимъ тѣломъ защищать Европу съ ея прогрессомъ отъ варварства татаръ и

¹⁾ Христіанскій идеалъ состоитъ, по словамъ Вл. Соловьева, въ свободномъ развитіи *всѣхъ живыхъ силъ челоуѣчества* (курсивъ мой). Національный вопросъ въ Россіи, вып. 2-й, стр. 322.

турокъ и прочихъ азіатовъ. Отсюда, когда въ частности мы, русскіе, послѣ пятивѣкового почти физическаго обособленія отъ остальнаго христіанскаго міра, завязали прежнія живыя сношенія съ Европою, то она сразу и по праву взяла на себя роль нашей руководительницы. И съ того момента, вотъ уже около трехсотъ лѣтъ, мы, загнипнотизированные этимъ научнымъ прогрессомъ Европы, смотримъ на нее такими глазами, какъ будто она въ лицѣ своихъ ученыхъ взяла вѣчную привиллегію на всякое новое открытіе въ научной области или вообще въ сферѣ культурныхъ движеній чело-вѣчества. Это вѣковое духовное рабство, зависимость, мен-торство и положеніе постоянныхъ учениковъ, вообще—противопоставленіе Европы и Россіи, какъ двухъ величинъ принципиально не совпадающихъ по своимъ внутреннимъ достоинствамъ,—все это вмѣстѣ взятое вытравило въ насъ сознаніе своего общечеловѣческаго достоинства, и породило неувѣренность въ собственныхъ силахъ; а съ другой стороны—создало преувеличенное и неправильное понятіе о значеніи Европейской культуры. Но это убѣжденіе въ универсальности и безусловномъ превосходствѣ ея по отношенію къ духовному развитію другихъ народовъ глубоко несправедливо. Культура можетъ быть только *одна*, т.-е. только въ одной формѣ: — общечеловѣческой—по объему и христіанской—по содержанію.

Культура должна быть общечеловѣческой по объему, потому что божественная жизнь, разлитая по всему міру во всѣхъ видахъ ея неорганическаго и органическаго бытія, проявляется *одною* и тою же *по существу* во всѣхъ народахъ, не смотря на различіе въ цвѣтѣ окраски ихъ кожи, въ строеніяхъ череповъ и степени ихъ настоящаго умственнаго прогресса. *Всѣ* призваны къ *сознательному* проявленію въ своей жизни божественнаго содержанія. Но что такое Европейская культура по составу носителей ея, т.-е. культура, рассматриваемая съ чисто этнографической точки зрѣнія? Но, прежде, что такое Европа?—Если мы попробуемъ опредѣлить это понятіе чисто географическими приѣмами, то увидимъ, что сдѣлать этого нельзя, такъ какъ Европа, съ географической точки зрѣнія, не есть настоящій материкъ подобно Африкѣ, Америкѣ, Австраліи съ ясно установленными границами, но скорѣе походитъ на полуостровъ,—по-

луостровъ Азіи. Отсюда всякое географическое опредѣленіе Европы будетъ условно и неустойчиво: нашъ масштабъ очень легко можетъ не сойтись ¹⁾ съ масштабомъ европейцевъ. Но весьма легко будетъ опредѣлить нужныя намъ границы, если мы воспользуемся у насъ общепринятымъ, ходячимъ мнѣніемъ о „Европѣ“ и „не-Европѣ“ съ культурной точки зрѣнія:—Границы Европы совпадутъ тогда съ границами латино-нѣмецкихъ земель. Очевидно, „Европа“—терминъ скорѣе не географическій, а культурный, равнозначашій романо-германскому міру. Слѣд., Европейская культура, къ которой обращены наши взоры, какъ къ идеалу жизни литературной, политической и промышленной—только часть міровой культуры; это культура одного лишь романо-германскаго міра. Отсюда понятно, Европейская культура не совпадаетъ и не можетъ совпасть по своему объему съ общечеловѣческой культурой. Чтобы получить этотъ характеръ универсальности, она должна согласиться на необходимое пополненіе себя со стороны допущеніемъ активнаго участія другихъ націй, между которыми не послѣднее мѣсто долженъ занять и нашъ народъ. А намъ безъ сомнѣнія есть что добавить новаго и полезнаго къ содержанію общеевропейской культуры, ибо достаточно извѣстно, что нашъ греко-славянской міръ совершенно самостоятельная народная группа, строго различная отъ романо-германскаго міра по своимъ внутреннимъ, существеннымъ особенностямъ ²⁾.

¹⁾ Да онъ въ дѣйствительности и не сходилъ никогда: мы для западной Европы всегда были и вѣроятно надолго останемся дикой Азіей.

²⁾ Ламанскій Вл. Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ, СПб. 1871 г. 12 стр.—Глубокое различіе основывается на коренномъ несходствѣ по своему характеру культуръ тѣхъ двухъ этническихъ группъ, которыя легли въ основу греко-славянскаго и романо-германскаго міровъ. Древній классическій міръ состоялъ изъ Грековъ и Римлянъ, народностей, съ рѣзко выраженными задатками къ самостоятельному, на самобытныхъ идеалахъ основанному, проявленію культуры. Это глубокое внутреннее несходство грековъ и римлянъ обнаружилось уже въ самые первые моменты ихъ попытокъ къ совмѣстному жителству. Когда они, послѣ долговременнаго отдѣльнаго существованія, соединились въ одну имперію, обнимавшую почти всѣ страны тогдашняго міра. Не смотря на наличность всѣхъ обстоятельствъ общественно правового свойства (единство для всей имперіи государственныхъ учреждений, единство римскаго officialнаго языка, единство административнаго и военнаго строя, единство римскаго законодательства) такъ усиленно благо-

Такая самобытность греко-славянского міра по его этническому составу и религіознымъ началамъ въ сравненіи съ романо-германцами, какъ совершенно особаго историческаго организма, лишь запоздало сравнительно выступившаго на историческое поприще, необходимо требуетъ отъ него обя-

пріятствовавшихъ внутренней спайкѣ обоихъ народовъ и планомерному движенію государственнаго механизма, греки и римляне не смогли все-таки слиться во единый прочный политическій организмъ. Глубокій, внутренній антагонизмъ эллинской и римской образованности не исчезъ даже съ принятіемъ единой религіи. Даже христіанство, съ его идеей единой вселенской церкви, не въ состояніи было сдержать этого, завѣщаннаго еще до-христіанскимъ міромъ, раздвоенія имперіи. Послѣ долгихъ колебаній, имперія распалась на двѣ части: на Восточную и Западную; и распалась окончательно и безповоротно.

И это распаденіе было естественно и необходимо. Оно совершилось въ то время, когда въ классическомъ мірѣ окончательно выработались двѣ народности, греческая и латинская, и такъ окрѣпли, что раздѣлили между собою древнюю Европу, приняли каждая собственное политическое, общественное и умственное направленіе, и самостоятельно дѣйствовали на новые народы, бывшіе съ ними въ сношеніяхъ и столкновеніи. Западная имперія была во всѣхъ отношеніяхъ Латинскою, Восточная или Византійская, въ такой же мѣрѣ и въ самомъ полномъ смыслѣ Греческою (Курторга М. Введеніе въ исторію древней греческой образованности. Журн. Мин. Нар. Просв. 1867, ч. 133, стр. 170).

Коренныя разногласія идеаловъ религіозныхъ, общественныхъ и политическихъ грековъ и римлянъ, породившія ихъ взаимную племенную вражду и глубокія внутреннія антипатіи, естественно затѣмъ передались тѣмъ народамъ, которые вошли въ составъ той и другой имперіи и впитали въ себя идеи и основы христіанства и классической образованности изъ двухъ различныхъ источниковъ—Византіи и Рима. Германцы, поселившіеся въ собственно римскихъ провинціяхъ, подверглись всѣмъ извѣстному вліянію римскаго образованія; Славяне, занявшіе области греческія, подпали, въ лицѣ многихъ отраслей своего племени, въ томъ числѣ и нашихъ предковъ, въ столь же высокой степени и въ такихъ же размѣрахъ вліянію грековъ. Такимъ образомъ и новая Европа раздѣлилась, подобно древней, на двѣ отдѣльныя и самобытныя части: на Западную или Герmano-Римскую и на Восточную—или Славяно-Греческую. Говорю—самобытныхъ, такъ какъ въ нихъ все: религія, языкъ, государство, общество, и по своему духу, и по своему виѣшнему виду, различно. Древній міръ не умеръ и не былъ уничтоженъ ни Германцами, ни Славянами; онъ существовалъ и дѣйствовалъ, но только въ измѣненномъ видѣ и на болѣе обширномъ пространствѣ. Византійско-славянская исторія есть прямое, не прерванное продолженіе исторіи эллинизма съ переродившимися, посредствомъ христіанства, началами и со включеніемъ новаго племенного состава. (Курторга, цит. соч. стр. 170).

зательнаго участія привнесеніемъ своихъ собственныхъ вкладовъ въ міровую сокровищницу духовнаго роста человѣчества. Если этотъ прогрессъ человѣческаго духа универсаленъ по своему этническому составу, а европейская культура, какъ частичное проявленіе духовныхъ задатковъ одного только романо-германскаго міра, не въ состояніи покрыть собою перваго, то ясно, что новое и самобытное, вносимое со стороны греко-славянской группой, и явится необходимымъ дополненіемъ уже сдѣланнаго въ этой области Европою.

Но, съ другой стороны, этотъ принципъ универсализма человѣческой культуры духа, заставляя каждую націю принимать самостоятельно участіе въ ея процессѣ, не даетъ, однако, права народамъ дробиться на отдѣльные духовные мірки, самозамкнутые въ самомъ своемъ развитіи. Свойство общечеловѣчности культуры понимается, какъ нѣчто собирательное не въ одномъ только этнографическомъ смыслѣ, но и въ смыслѣ духовномъ. Она есть агрегатъ всѣхъ этихъ частичныхъ культуръ, частичныхъ обнаруженій божественной жизни, но уже взятыхъ въ отвлеченіи и лишенныхъ субъективности, какъ стоящихъ выше національной окраски и внѣ ихъ одностороннихъ и преходящихъ формъ. Отсюда мы не имѣемъ права изолироваться лишь въ сферу своихъ національныхъ интересовъ, но обязаны искать взаимнаго общенія; отречься отъ своего обособленія и замкнутости и признать себя составною частию единаго человѣчества, „пріобщиться его всемірно-исторической судьбѣ“ ¹⁾. Только съ признаніемъ всемірной солидарности народъ становится въ самомъ дѣлѣ, а не по имени только *христіанскою* націею. Это то чувство всемірной солидарности не позволяетъ намъ игнорировать или порвать всякія сношенія съ западно-европейскою культурою, при всей ея неавторитетности для насъ, какъ не имѣющей характера универсализма. Наоборотъ, тѣсное знакомство съ этой культурой можетъ быть для насъ только полезно. Исторія убѣждаетъ въ томъ, что иностранныя вліянія встрѣчаются у каждаго великаго народа, и составляютъ непремѣнное условіе успѣховъ его образованности. Знакомство съ новыми знаніями, изобрѣтеніями и

¹⁾ Вл. Соловьевъ. Очерки изъ исторіи русскаго сознанія. Вѣстникъ Европы, 1889 г., 3 т., стр. 291.

открытіями, помимо прямой пользы ихъ практическаго примѣненія, цѣнно, главнымъ образомъ, потому, что вносятъ въ общество новыя идеи, пробуждая тѣмъ самымъ умственную дѣятельность народа и вызывая подъемъ того творческаго духа, который двигаетъ націю по пути ея культурнаго развитія ¹⁾. Конечно, это извѣстное идейное содержаніе, вносимое со стороны Европы въ нашу народную культуру, окажется полезнымъ для насъ только въ той ея части, которая соотвѣтствуетъ умственному направленію націи. Ибо только тогда пріобрѣтенныя отъ знанія и идеи не лягутъ лишнимъ бременемъ въ сознаніе націи, когда она собственной энергіей воли и силой умственной дѣятельности общества въ состояніи привить ихъ къ нравамъ, обычаямъ, религіи, языку народа, — словомъ—согласовать съ геніемъ народа, слить съ народностію. Въ противномъ случаѣ, все это постороннее духовное богатство такъ и останется для націи чѣмъ то чуждымъ, внѣшнимъ; не проникнетъ въ глубь и не переродитъ народа. Оставаясь же такими непримѣнимыми, безплодными и безслѣдными для народнаго духа, онѣ—эти идеи—послужатъ только наружнымъ украшеніемъ, произведутъ мгновенный блескъ въ народной культурѣ и только прикроютъ подлинное невѣжество ²⁾. Это позолота, а не золото, такъ какъ единственно цѣнное пріобрѣтеніе народа, которое навсегда останется собственностію того, кто разъ усвоилъ его,—это развитіе внутренней жизни на основаніи самобытныхъ свойствъ его духа. Но тѣмъ не менѣе, не смотря на возможность такого исхода дѣла, т. е. возможность бесполезности для націи идейнаго позаймствованія со стороны въ нѣкоторой своей части, польза взаимнаго общенія различныхъ по содержанію и формѣ культуръ остается несомнѣнно уже въ силу своихъ дѣйствій на народное самосознаніе, вызывающихъ, какъ реакцію, извѣстные духовные подъемы и движенія силъ націи, на которые собственно

¹⁾ М. Куторга. Введеніе въ исторію греч. образованности, Журн. Мин. Нар. Просв., 1867 г., ч. 133, стр. 168.—Въ частности, напр., вся наша изящная литература, въ лицѣ ея корифеевъ.—Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Тургенева, Достоевскаго, графовъ А. и Л. Толстыхъ и пр., такъ роскошно расцвѣла только въ XIX вѣкѣ, вѣкѣ усиленныхъ сношеній съ Европою въ сферѣ мысли и знанія.

²⁾ Куторга М., цит. соч., 169 стр.

и расчленяется въ исторіи и человѣческомъ представленіи недѣлимый по существу самый ростъ ея духовной жизни.— Такимъ образомъ, универсальность человѣческой культуры требуетъ обязательности участія всѣхъ націй и притомъ не въ изолированномъ видѣ, а въ видѣ взаимнаго общенія, солидарности.

Но культура, далѣе, не есть только общечеловѣческая по объему, но и *христіанская* по содержанію, такъ какъ христіанство есть единственная высшая форма обнаруженія божественной жизни, разлитой по всему міру. Оцѣнивая же и съ этой стороны Европейскую культуру, мы еще болѣе убѣждаемся, насколько она далека еще отъ этого идеала своею узостію, односторонностію развитія.— Въ самомъ дѣлѣ, что такое духовная жизнь, какъ божественная жизнь въ человѣкѣ, по существу?—Это—*любовь*.—А что такое Европейская культура, какъ реальная дѣйствительность?—Европейская культура есть по преимуществу умственная культура; это—ростъ и накопленіе научныхъ знаній, техническихъ усовершенствованій во всѣхъ областяхъ приложенія—государственной, общественной, и частной семейной—жизни; однимъ словомъ,—это культура одной только внѣшней обстановки человѣческаго существованія ¹⁾. Подобная односторонность Европейской культуры слишкомъ бьетъ въ глаза, чтобы нужно было говорить объ этомъ подробнѣе. Слѣд., если она и считается христіанской культурой, то скорѣе номинально, нежели реально. Все та же дикость, зависть, грубый эгоизмъ, жажда наживы, преклоненіе передъ богатствомъ и т. п. пороки вмѣстѣ съ глубокимъ невѣже-

¹⁾ Всѣ стихіи природы, передъ грозными явленіями которой человѣкъ вѣкогда трепеталъ, теперь поработены имъ. „Наука превратила солнце въ печатный станокъ, осѣдлала волну, скрутила буйный вѣтеръ, запрягла паръ въ работу, надѣла на молнію сумку почталона; алмазные сверла проходятъ сквозь нѣдра скалъ, добываютъ воду въ знойной пустынѣ; гиганты молоты, шути, сплющиваютъ глыбы металла; телеграфъ, телефонъ, телескопъ уничтожили пространство; спектральный анализъ опредѣлилъ составъ планетъ; тысячи фабрикъ съ ничтожною сравнительно затратою мускульной силы выполняютъ работы, которыя не снились мифологическимъ титанамъ“. Такъ конкретно можно охарактеризовать безспорные успѣхи современной цивилизаціи: она направлена не на внутреннее усовершенствованіе самаго человѣка, его духовной природы, а на улучшеніе лишь внѣшнихъ условій его существованія.

ствомъ народныхъ массъ, чрезмѣрнымъ труженничествомъ, вопіющею нуждою, праздною расточительностію,— все это также характеризуетъ состояніе современной Европейской—христіанской—цивилизациі, какъ характеризовало когда то римскую, языческую культуру. Много еще нужно вливать въ эту культуру чисто нравственнаго элемента, чтобы она оправдала свое названіе христіанской. И такого пополненія нужно ждать ей со стороны другихъ народовъ, такъ какъ, вслѣдствіе преобладанія *разсудочной* односторонности въ исторіи европейскаго просвѣщенія ¹⁾, сама этого сдѣлать не въ состояніи. И кто знаетъ,—можетъ быть нашему славянскому міру свое провиденціальное назначеніе суждено проявить съ этой именно стороны ²⁾. Правда, отсутствіе систематическаго изученія славянскаго міра, какъ этническаго типа, не позволяетъ намъ идти въ данномъ случаѣ далѣе области предположеній: но, оставаясь и на этой почвѣ, мы все же имѣемъ нѣчто такое, что довольно близко граничитъ съ реальной основой. Именно, въ числѣ нашихъ національныхъ чертъ есть одна, въ достаточной степени характерная для насъ, какъ опредѣленнаго народа, — черта, которая была подмѣчена нашими врагами нѣмцами. Принципіально не допуская насъ къ культурѣ по своей національной гордости и политическимъ соображеніямъ и желая этотъ непопозволительный съ этико-христіанской точки зрѣнія фактъ поставить на научное основаніе, они (нѣмцы), устами своихъ философовъ, историковъ, публицистовъ ³⁾, называютъ насъ, славянъ, народами *нисшаго типа*, по природѣ не способными къ активному участію въ современной цивилизациі. Принимая во вниманіе степень способности народовъ къ интеллектуальному развитію, они отводятъ намъ то же самое мѣсто, какое занимаютъ въ ихъ классификаціи Хамиты, Негры, Кельты, Монголы, Туранцы;—или же ставятъ насъ въ поло-

¹⁾ Кирзевскій И. О характерѣ проосвѣщенія европы.... Московскій Сборникъ, т. I, стр. 9 и сл.

²⁾ Вл. Соловьевъ говоритъ: „характеръ и міровоззрѣніе нашего народа заставляютъ насъ именно съ духовной области ждать настоящаго обнаруженія русскихъ силъ“. Нац. вопр. въ Россіи, вып. 1, 109 стр.

³⁾ Ламанскій Вл. Объ историческомъ наученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ. СПб, 1871 г., стр. 62, 67, 69, 74, 174, 211.

женіе женщины по отношенію ея къ мужчинѣ ¹⁾. И вотъ это то послѣднее уподобленіе женщинѣ, уподобленіе, звучащее въ устахъ нѣмца порицаніемъ, недостаткомъ нашей націи, доказательствомъ узости и слабости ея духовныхъ силъ и способностей, я принимаю, какъ достоинство, какъ свѣтлую сторону характера, ибо беру понятіе женщины въ той его части, которая собственно и составляетъ специфическое отличіе характера женщины отъ характера мужчинѣ. Если наблюденіе нѣмцевъ по отношенію къ намъ подмѣчено правильно, и если особенность характера женщины, какъ половой особи человѣческаго типа—(женственность), заключается въ душевной мягкости и открытости сердца, если „дивная красота женской души состоитъ, по мысли Гоголя, изъ великодушнаго стремленія“, безграничной нѣжности и всеизвиняющей снисходительности, то внести теплоту и сердечность въ отношенія „живыхъ“ людей, чего собственно и не хватаетъ холодно-расчетливому европейскому культуртрегеру,—суждено, очевидно, славянству. Въ частности, напр., русскій человѣкъ подходит къ жизни и оцѣниваетъ ея явленія прежде всего и главнымъ образомъ со стороны сердца. Не наличность матеріальнаго благополучія, или внѣшняго общественнаго благоустройства, или домашняго комфорта, наконецъ, чѣмъ такъ гордится Западная Европа и въ чемъ собственно и вылилась ея цивилизація;—вообще, не культурная обстановка такъ привлекаетъ русскую душу. Нѣтъ. Она ищетъ прежде всего *правды жизни*, наличности добра, реальнаго осуществленія духовныхъ идеаловъ любви и правды въ себѣ и въ людяхъ. Нашъ народный идеаль представляетъ святость не какъ исключительно аскетической, отрѣшенной отъ міра, но сверхъ этой аскетической святости

1) Ламанскій, цит. соч., стр. 221.—„Славяне—не мы, не намъ чета. Славяне, это ясно, какъ день, не имѣютъ ни нашихъ дарованій, ни скольконибудь подходящаго къ нашему призванія. Славяне—это...это... съ чѣмъ бишь ихъ лучше сравнить... Славяне—это Хамиты, носители материализма, говорятъ одни,—Негры, прибавляютъ другіе; нѣтъ, перебиваютъ третьи. Славяне просто раса пассивная, а мы—раса активная, мы мужчины, а Славяне женщины; нѣтъ, позвольте, кричатъ четвертые, мы женщины, а славяне мужчины; больше всего, разсуждаютъ пятые, напоминаютъ Славяне Кельтовъ, шестые замѣчаютъ особое въ нихъ сходство съ Монголами, Тураицами“. Вотъ вкратцѣ смыслъ отзывовъ и приговоровъ Нѣмца о Славянахъ.

онъ жаждетъ святости *дѣятельной* ¹⁾. Отсюда то *богоскательство*—эта замѣчательная черта русской духовной жизни,—но богоскательство для жизни, т. е. исканіе не абстрактнаго, но живого Бога въ людяхъ. Отсюда та грусть по идеаламъ, та бездонная тоска, порожденная сознаниемъ такъ часто встрѣчающагося въ жизни разлада, а иногда и полнѣйшаго несоотвѣтствія идеальной возможности и дѣйствительной наличности, которая широко разлита во всѣхъ проявленіяхъ русскаго гениа, какъ его характерная особенность. Оставляя въ сторонѣ изобразительныя искусства, въ частности музыку, какъ явленія въ области человѣческаго художественнаго творчества условныя до извѣстной степени и субъективныя для толкованія, мы безспорно съ указаннымъ мотивомъ встрѣчаемся въ произведеніяхъ, дѣйствительно и ясно отражающихъ въ себѣ и настоящую жизнь, и глубочайшія идеальныя чаянія человѣческаго духа. Этою тихою грустью проникнуты и лучшія—создавшія славу Россіи—произведенія изящной литературы, она еще ярче и открытѣе проявляется въ трудахъ непосредственнаго, чисто народнаго творчества:—старинныхъ русскихъ сказкахъ, пѣсняхъ, легендахъ. Мало того, въ душахъ нѣжной и хрупкой организаци, такъ болѣзненно чуткихъ ко всякимъ этическимъ отклоненіямъ дѣйствительности и потому способныхъ воспринять фактъ во всей его настоящей, не каждому доступной, реальности и присущаго ему значенія, — весьма часто встрѣчающееся въ жизни грубое поправіе ея идеаловъ приводитъ или къ отчаянію, психической подавленности и даже полнѣйшему душевному разстройству (вспомнимъ, напр., хотя бы Гл. Успенскаго и Вс. Гаршина), или же прямо къ самовольному уходу отъ такой жизни „безъ оправданія“, къ Карамазовскому „возвращенію билета“ Богу, къ самоубійству. Правда, это стремленіе къ идеальнымъ чаяніямъ надземнаго отечества, „тоска по родинѣ“ и сознаніе противорѣчія мысли и жизни свойственны всѣмъ народамъ, но особенно остро, чутко и интенсивно они переживаются въ русской душѣ. „Глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ“, говоритъ Гоголь.

¹⁾ Ср. у Вл. Соловьева, Нац. вопр., въ Рос. вып. I, стр. 71, 107 и 109.

Итакъ, общій ходъ міровой духовной культуры, единственно истинной культуры—универсальной по объему и христіанской по содержанію.—непремѣнно требуетъ отъ *каждаго* изъ насъ ¹⁾ активнаго участія въ ея ростѣ (т. е. нарожденіи этой божественной жизни) привнесеніемъ въ общую сумму интернаціональнаго духовнаго богатства лучшихъ особенностей своего характера, особенностей, какъ индивидуума и какъ единицы извѣстной націи. Отсюда развитіе своихъ духовныхъ силъ—наша нравственная обязанность. Въ системѣ же опознанія этихъ, обычно скрытыхъ, особенностей, а преимущественно этническихъ, выдающуюся роль должно сыграть языкознаніе, какъ по исключительному значенію языка въ духовной жизни человѣка вообще, такъ и въ частности по прикладному значенію. Языкознаніе—одна изъ самыхъ положительныхъ наукъ по своему методу, допускающему такой точный и детальный анализъ, который невозможенъ въ другихъ культурно-историческихъ наукахъ.

Эта идея—изучать языкъ не какъ только исключительно сумму сухихъ, отвлеченныхъ, часто мелочныхъ, ничего, притомъ, не говорящихъ сердцу изучающаго, его фактовъ, а какъ единственно вѣрное средство къ постиженію особенностей души собственной и своего народа, постиженію необходимо связанному съ нашимъ жизненнымъ назначеніемъ, какъ опредѣленнаго разумнаго звена въ системѣ мірового бытія,—мнѣ думается въ состояніи будетъ полить живую водою вдохновенія и энергіи сухость и скрупулезность построеній нашей науки.

По крайней мѣрѣ, мы будемъ знать, что она не только не безцѣльна съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ нашего

¹⁾ Ср. мысли о солидарности народовъ въ процессѣ осуществленія общечеловѣческаго начала въ исторіи у Хомякова:—«Всякая истина многосторонняя, и не одному народу не дается ее осмотрѣть со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ ея отношеніяхъ къ другимъ истинамъ. Иная сторона или отношеніе иному народу недоступны по его умственнымъ способностямъ или не привлекаютъ его вниманія, по его душевнымъ склонностямъ... Общечеловѣческое дѣло раздѣлено не по лицамъ, а народамъ: каждому своя заслуга передъ всѣми и частный человѣкъ только разрабатываетъ свою дѣлянку въ великой долѣ своего народа». Цит. по соч. Вл. Соловьева *Національн. вопр. въ Россіи*, вып. 2, стр. 131. Эта же мысль весьма ясно представлена у самого Соловьева въ *цит. соч.* 313—315 стр.

собственного существованія, но является однимъ изъ ~~необ-~~
~~ходимыхъ~~ ~~подготовительныхъ~~ его ~~приемовъ~~.

Всякая наука обычно переживаетъ два періода своего развитія: періодъ теоретической организаціи науки и періодъ прикладныхъ знаній или эксплуатаціи науки жизнию.

Пусть наша дисциплина будетъ опытомъ сближенія науки о языкахъ съ жизнью.

Свящ. І. Смирновъ.
